

ПРОБЛЕМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В НАЧАЛЕ XVIII СТОЛЕТИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

PROBLEM OF THE LINGUISTIC TRANSLATION AT THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURY AND THE EDUCATIONAL TEXT OF ST. PETERSBURG

K. Nikulushkin

Annotation

The article analyzes problems of the linguistic translation which have arisen in structural integrity of reformatory ideas of Peter I at the beginning of the Russian enlightenment century. Distinction of semantic and semiotics of the native and Western European cultural texts supposing restricting of terminological understanding in translation of technical and art plots of the Western civilization created serious difficulties for the Russian and foreign translators. St. Petersburg was educational "key" in the solution of the cultural question connected with the translation in a national educational paradigm. The research analysis of the translation in the context of the Russian Enlightenment is made on historical material of P. P. Pekarskij.

Keywords: linguistic potential, terminological penetration, cultural function, semiotics, Western European model, spiritual culture, epistemology.

*Никулушкин Константин Владимирович
Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург*

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы лингвистического перевода, возникшие в структурной целостности реформаторских идей Петра I в начале русского просветительского столетия. Семантическое и семиотическое различие отечественного и западноевропейского культурных текстов, полагавших границу терминологического понимания в переводе технических и художественных сюжетов Западной цивилизации, создавали серьезные трудности для русских и зарубежных переводчиков. Санкт-Петербург явился образовательным "ключом" в решении культурного вопроса, связанного с переводом в национальной просветительской парадигме. Исследовательский анализ перевода в контексте русского Просвещения совершается на историческом материале П. П. Пекарского.

Ключевые слова:

Лингвистический потенциал, терминологическое вхождение, культурная функция, семиотика, западноевропейская модель, духовная культура, эпистемология.

В эпоху правления Петра I произошли серьезные изменения в структуре традиционной культуры русского общества. Западноевропейские заимствования изменили эстетическое представление о форме в национальном сознании. Лингвистический потенциал русской духовной культуры, сформулированный текстом Православия и выраженный в синтаксисе церковнославянской письменности, не справлялся с переводом западного лексического потока, несущего понятийное многообразие в системной целостности языковой культуры донатора.

Проблема точного перевода заимствованного текста, введение его идей и значений в пространство русского языка не в качестве фрагментарной позиции, а в виде цельной культурной информации, генерирующей знание, являлась существенной характеристикой языковой ситуации начала русского Просвещения.

К началу XVIII в. количество переводчиков, подготовленных к терминологическому вхождению в технический пласт западной цивилизации и область светской культуры, не отвечало требуемому уровню просветительской

парадигмы, на национальные лингвокультурные черты которой указывал П. П. Пекарский: "Недостаток в знающих языки продолжился и в начале XVIII столетия. Неплюев, напр., учился мореходству, а был послом в Константинополе единственно по той причине, что один во всем Петербурге (в 1721 г.) знал по-итальянски. Однажды Головин, донося царю о затруднениях при выборе посла в Рим, писал, между прочим, что в Москве в 1706 году, кроме переводчика латинского языка, да двух молодых подьячих, знающих иностранные языки никого не было" [7, с. 187]. Соответственно, культурная область текстов одного переводчика была многосторонне обширной и не могла адекватно раскрыться истиной сюжетной линией в контексте русского языкового сознания. В 1720 г. переводчик Борис Волков, подавая письменное прошение Петру I о повышении жалования, перечисляет список своих трудов в области перевода: "Державнейший царь, государь милостивейший! Вашему царскому величеству служу я в переводчиках с 1704 года, и кроме канцелярской работы, перевел я с французского языка на российский, по именному вашего величества указу, восемь книг:

1. О географии; 2. О войнах греческих и римских; 3. О ордене кавалерских; 4. О корабельном плавании на реках; 5. О морском учреждении; 6 и 7. Об артиллерии; 8. О садовничестве часть 1–я" [там же, с. 225]. Количественный подход в "штурме" переводчика–одиночки лингвистической цитадели Западной литературы неизбежно отражался на качестве самого перевода. Работа с понятийно-терминологической областью в каждой научно-технической дисциплине требовала профессионального взгляда на объект описания, понимания его внутренних и внешних смысловых сегментов в структурной целостности рассматриваемой отрасли. В связи с незначительной дифференциацией профессиональных текстов в литературной структуре эпохи (если имеется возможность говорить о ее полноте в хронологических границах начала XVIII в.) и слабой компетенцией переводчика в западноевропейской жанровой стилистике [5, с. 114], возникавшая трудность перевода заимствованного текста в отечественной культуре сохранялась довольно долгое время. А. Д. Кантемиру потребовалось в 1730 г. снабдить перевод философского романа Бернара Ле Бовье де Фонтенеля "Разговоры о множестве миров" (1686) дополнительными примечаниями [8, с. 421 – 429], раскрывающими в произведении значение лексем философского содержания не имевших русского языкового эквивалента; и спустя 10 лет в 1740 г., когда перевод романа в силу длительности цензуры был, наконец, издан, примечания Кантемира сохранили свое актуальное значение в национальном лингвистическом пространстве.

Традиционная семантическая "неподвижность" русского логоса в письменной дореформенной культуре оберегала духовно-словесные формы от инородного литературного вторжения, ведущего к умножению и рассеиванию значений. Внутренняя культурная не востребованность понятийно-терминологического потенциала Западной цивилизации не разрушала "цитадель" русской письменной словесности, с приходом же преобразований Петра I, идущего во главе "армии" европейской технократии, оказалось, что литературных "каменщиков", которые могли бы перестроить систему письменного языка под новые культурные функции, не имеется. Соответственно, проблема когерентности терминологических единиц в отечественном и западном языковом пространстве первой трети XVIII в. являлась насущным вопросом, на который указывает в исследовании русского языка начала XVIII столетия В. В. Виноградов: "Перевод специальной технической и научной терминологии в ту эпоху был сопряжен с почти непреодолимыми трудностями, так как предполагал наличие внутренних смысловых соотношений и соответствий между русским языком и западноевропейскими языками" [1, с. 58]. Ребусы технического перевода приводили, порой, к трагическим курьезам, воплотившие материю зигматического текста в личную драму жизни "трансли?тера" XVIII столетия: "мимоходом вспомнить здесь<...>об одном русском, по прозвищу Волков [отношение к вышеуказанному Борису Волкову, данный

Волков не имеет; примечание мое, – Н. К.]<...>том самом, который был посланником в Константинополе, Париже и Венеции. По возвращению в Россию, царь задал ему огромную работу, именно переводить *Le jardinage de Quintiny* [садоводство Квинта, – Н. К.]<...>Хотя Волков был человек очень способный, но все таки этот труд был ему не по силам: в сочинении на каждом шагу попадались французские технические выражения, совершенно неизвестные в русском языке. Отчаяние овладело переводчиком и он, перерезав себе артерию, прекратил таким образом жизнь" [7, с. 226]. Отчаяние в переводе настало многих деятелей культуры первой половины XVIII века. Особенность психологически характерной черты времени в лингвистическом пространстве была связана с тем, что старые литературные формулы [4], по большей части, религиозно-житийных текстов были неподходящим ключом к "замку" западноевропейских технических и светских композиций.

Замена в 1710 г. (введение гражданского шрифта) религиозного положения логоса в языковой системе на гражданскую букву, отвечавшей просветительской интенции эпохи, привела к установлению в письменной форме культуры нового литературного сознания, прошедшего до момента его полного становления период "порядка из хаоса", на который указал С. И. Николаев: "Но особо на судьбу переводной литературы первой четверти века повлиял ее язык. Возникновение литературного языка нового типа относится как раз к этому времени, отсюда стилистическая какофония и лексическая неупорядоченность в литературе той поры и в особенности переводов, делавшихся в крайней спешке" [6, с. 92]. При содействии западноевропейских технических форм, массово проникавших в отечественную культуру, совершалось изменение политических и экономических структур, требовавших снабжения необходимой справочной и учебной литературой для своего полноценного становления, которое и обуславливалось "спешкой" в переводах. Указ Петра I от 23 января 1724 года утверждает концепцию подготовки переводчиков для нужд государства, связанного идеологическими целями Просвещения: "Для переводу книг зело нужны переводчики, а особливо для художественных, понеже никакой переводчик, не умея того художества, о котором переводит, перевесть то не может; того ради заранее сие делать надобно таким образом: которые умеют языки, а художеств не умеют, тех отдать учиться художествам; а которые умеют художества, а языку не умеют, тех послать учиться языкам, и чтоб все из русских или иноземцев, кои или здесь родились, или зело малы приехали и наш язык, как природный, знают, понеже не свой язык всегда легче переводить, нежели с своего на чужой. – Художества же следующие: математическое хотя до сферических триангулов, механическое, хирургическое, архитектур цивилис, анатомическое, ботаническое, милитарис и прочие тому подобные (– Н. К.)" [7, с. 243]. Следует обратить внимание, что предметный взгляд эпохи на терминологическое понимание "художества

ства" раскрывается перечислением дисциплин не имеющих ничего общего в современном значении с понятием "художества".

Другой способ развития культуры перевода был связан с приобщением дворянского сословия к изучению иностранных языков. Изданном в 1717 г. по распоряжению Петра I наставлении для молодых дворян "Юности честное зерцало...", в параграфе 27 говорится: "Младья отроки должны всегда между собою говорить иностранным языки, дабы тем навыкнуть могли, а особливо когда им что тайное говорил, случится, чтоб слуги и служанки дознаться не могли и чтоб можно их от других не знающих болванов разпознать" [10, с. 18].

Соответственно, познание иностранных языков предполагалось не только в контексте необходимого перевода, но и обладало введением в культ сакрально-политического посвящения эпохи.

Задуманные Петром I намерения находили свое отражение в распоряжениях и указах, идея которых неразрывно сочеталась с ее последующей культурной актуализацией; в целях развития навыков работы с текстом западноевропейской цивилизации (причем, не только его практического освоения, но и теоретического перевода) по всей стране возникали образовательные учреждения, обеспечивавших условие политико-экономической конкордии (согласия) заимствованных форм в новой России. Прагматика времени полагала конструктивные особенности образовательных систем, которые можно условно обозначить в виде двух моделей – новая модель: "цифренные" и "навигационные" школы; и старая модель – развивавшаяся на основе принципа духовных школ, прообразом которых служила образовательная система Киево-Могилянской академии: Ростовская школа, Тобольская школа, Новгородская школа.

Вопрос обучения переводу оборачивался положением диалектики в просветительском сюжете, сочетавшем в национальной культуре как внешнее интеллектуальное действие, вбирающее лингвистический экстракт западноевропейской культуры: "В феврале 1716 г. повелевалось "послать в Королевец [Кенигсберг, – Н. К.] человек 30 или 40, выбрав из молодых подьячих, для науки немецкого языка, дабы удобнее в коллегии были... робят добрых и умных, которые могли бы науку воспринять, а чтоб были летами от 15 до 20" [7, с. 228]; так и внутреннее, выжимающее языковой потенциал отечественной культуры из духовной сферы в техническую: "В 1711 г. велено было через монастырский приказ взять 50 человек церковников в адмиралтейство, грамоте и писать умеющих, и определить их там к обучению разным мастерствам<...>набрать в адмиралтейские плотники из церковнических детей 500 человек, в том числе чтобы, сколько возможно, было больше грамотных" [3, с. 49].

Санкт-Петербург играл знаковую роль в атмосфере политических реформ, олицетворяя волю Петра Великого столичной символикой и устанавливая новую западноевропейскую модель в области образования. Онтология

Санкт-Петербургского городского текста корректировала образовательную политику нуждами времени, мобилизуя учащихся в свои пространственные границы и наделяя субординационными регалиями новой эпохи, которые сложатся "табелем о рангах..." в 1722 году: "В 1716 г. дворянским недорослям, учившимся в московской академии славяно-латинской науке, дозволено было окончить в ней курс, если они записались в нее раньше 1715 года, а поступивших туда после 1715 г. штрафовать. В 1717 г. все эти недоросли в числе 213 человек, были востребованы из академии в Петербург, где государь сам сделал для них назначение: одних поместил в морскую академию, других в гвардию, многих отправил за границу. Своевольно записавшиеся в академию ссылались даже на три года в галерную или каторжную работу" [там же, с. 47 – 48].

В Санкт-Петербурге вместе с государственными школами открывались католические миссии, проповедовавшие наряду с философией и завуалированным католическим богословием латинский, немецкий и французский языки. В Санкт-Петербурге с 1715 – по 1723 гг. были основаны школы: иезуитов литовского ордена (изгнаны в 1720 г.), ордена францисканцев и ордена капуцинов швейцарской провинции [9], введивших, по большей части, дворянских детей в область западноевропейской духовной культуры. Количество учеников в подобных школах было не велико: Святой отец Аполлинарий из ордена швейцарских капуцинов, содержащий в Петербурге школу при католическом госпитале, обучал пятерых православных дворянских детей, двух лютеран и трех католиков; Святой отец Бонаventura Шульц из ордена францисканцев давал частные уроки, но главными его учениками были дети архитектора Доменико Трезини. В 1714 г. из Москвы была переведена школа пастора Глюка, к тому времени уже скончавшемуся (1705), в ней преподавали, согласно исследованиям Ю. К. Воробьева и И. В. Сединой, немецкий, французский, латинский, итальянский и шведский языки [2, с. 31].

Серьезные изменения в образовании произошли с установлением в 1721 г. Святейшего Правительствующего Синода, определившего в отечественной культуре новую эпистемологическую систему, сориентировав в ней два вектора: философско-богословский и научный. Окончание Северной войны перераспределило направление культурной динамики с военных сюжетов на создание внутренней национальной политике, требовавшей подготовленных, образованных чиновников, знающих понятийно-терминологический язык западноевропейских технических регалий: "Со времени учреждения св. Синода распространение духовного образования пошло успешнее. К этому времени правительством успокоилось от тяжелой войны и получило возможность сосредоточеннее заняться внутренними делами государства" [3, с. 52].

В Санкт-Петербурге при Александро-Невском монастыре по распоряжению архиепископа Феодосия [там же,

с. 93] была открыта в 1721 г. Славянская школа, реорганизованная в 1725 г. в Славяно-греко-латинскую семинарию, в 1797 г. в Александро-Невскую академию, а в 1809 г. уже в образовательную систему, имевшую три ступени: начальная школа – Александро-Невское духовное училище, средняя школа – Санкт-Петербургская духовная семинария, высшая школа – Санкт-Петербургская духовная академия. При своем основании в 1721 г. Славянская школа не отвечала требованиям Духовного Регламента 1721 г. (настаивавшего на недопущении в школы при архиерейских домах лиц, поступающих туда не по призванию), большинство учеников было из светского звания, количество которых к 1725 г. возросло до 82 человек, что превышало учеников любого католического ордена и конгрегации. Учили в школе славянской грамоте, арифметике, чтению псалтири, толкованию евангельских блаженств. Отсутствие в образовательном сюжете латинского языка и многих других предметов, присущих духовной системе эпохи, связано с тем, что преподавал всего один учитель, призванный из новгородской школы [там же, с. 93]. Ситуация изменилась в 1725 г., когда школа была переименована в Славяно-греко-латинскую семинарию. Новое название развернуло в Санкт-Петербургских интеллектуальных просторах полноценную образовательно-духовную парадигму, в которую входили: Богословие, философия, история, география, древние (латинский, греческий) и новые (немецкий, французский) языки, риторика. Семинаристы, закончившие обучение, выходили не только в иерархию православной службы, но и во многие политические структуры государства, исполняя изъявление просветительского времени. Навыки перевода, полученные в Славяно-греко-латинской семинарии, и знание русской духовной культуры, ее ментально-лингвистических корней помогали выпускникам раскрывать новый взгляд на исторически-событийное положение

отечества по отношению к Западу, развивать новую форму национальной рефлексии, адаптирующей смыслы переводимой культуры.

Феофан Прокопович архиепископ Новгородский олицетворял новое религиозное мышление в системе петровских преобразований, движимый просветительской идеей времени, открыл "для бедных детей всякого звания" собственную школу-семинарию в своем доме на р. Карповке. В школе обучались: славянскому, латинскому и греческому языкам, риторике, арифметике, логике, геометрии, географии, Закону Божьему, истории, римским древностям. Преподаватели отвечали высоким профессиональным качествам и подбирались лично Феофаном Прокоповичем. В качестве педагогов приглашались такие ученые как Адам Селлий (воспитанник Йенского университета), профессор академии Готлиб Зигфрид Байер. Большое значение в частной семинарии уделялось знанию иностранных языков в контексте предметного изложения; например, Г. З. Байер, совершенно не владевший русским языком, давал уроки истории на немецком или латинском языках. В 1736 г. после смерти Феофана Прокоповича школа-семинария была объединена со Славяно-греко-латинской семинарией.

Таким образом, серьезная проблема установления идейного соотношения интеллектуальных текстов западноевропейской цивилизации внутри отечественной культуры решалась в начале эпохи русского Просвещения путем лингвистической реформации духовно-образовательной системы, включая в нее необходимые знания для подготовки грамотных переводчиков. Санкт-Петербург явился символом ключевых изменений в образовании, установив культурную многополярность и многоконфессиональность в городском пространстве, служившем целям просветительских преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. М.: Высш. школа, 1982. 528 с.
2. Воробьев Ю. К., Седина И. В. Западноевропейские языки в русской культуре XVIII века. Саранск: Мордов. ун-т, 2007. 232 с.
3. Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань: Императорский Университет, 188. 806 с.
4. Колесов В. В. Древняя Русь: Наследие в слове. В 5 кн., кн. 4. Мудрость слова. СПб.: СПбГУ, 2011. 480 с.
5. Николаев С. И. О стилистической позиции русских переводчиков петровской эпохи (к постановке вопроса) // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. XVIII век, Сборник 15. С. 109 – 122.
6. Николаев С. И. Первая четверть XVIII века: эпоха Петра I // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. В 2-х т., т. 1. Проза / отв. Ред. Ю. Д. Левин. СПб.: РАН ИРЛИ, 1995. С. 74 – 94.
7. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. В 2-х т., т. 1. СПб.: Общественная польза, 1862. 578 с.
8. Стоюнин В. Я. Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. в 2-х т., т. 1. СПб.: Издание Ивана Ильича Глазунова, 1868. 462 с.
9. Флоровский А. В. Латинские школы в России в эпоху Петра I / А. В. Флоровский // XVIII век: сб. статей, 1962. Вып. 5. С. 316 – 335.
10. Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов. СПб., 1717. 88 с.